

— Как же так, Тенген, ты тоже трусливый слизняк, такой же никчемный, как и этот Кэндзяку?

Тональность Дадзая Осаму была пропитана предельным отвращением. Он даже не задумывался о том, что сам стоит прямо на теле другого существа, а его нелепая, но неоспоримая способность блокирует всякое движение. Или, вернее сказать, делал он это вполне осознанно.

— Чуя, осмотрись внимательно, нет ли среди этих лиц чего-то странного.

Накахара Чуя, убедившись, что ветка, на которой замер Дадзай, не грозит обломиться, совершил полный круг в воздухе. Одно за другим перед его глазами проплывали жуткие, искаженные гримасой боли лица, плотно облепившие древесный ствол.

Постой-ка. Что-то не так. Здесь явно не хватает одного лица.

— Дадзай, тут пустое место.

Чуя вернулся к Дадзаю с помрачневшим лицом. После того как они решили вмешаться в дела магического мира, Дадзай передал ему все имеющиеся досье на Тенгена и Звездную плазму. Теперь он видел, как лица, некогда сиявшие в документах жизнью и светом, превратились на этом дереве в нечто неузнаваемое.

Хуже скотов.

Чуя никогда не считал себя святым, но сейчас его охватила глухая скорбь. Лишить человека целой жизни только ради того, чтобы самому просуществовать на пару лет дольше, — и при этом позволять глупым старым мандаринам из магического руководства почитать себя божеством. Неудивительно, что Дадзай испытывал к нему такое омерзение.

Тенген — монстр, проживший невесть сколько веков, обладающий абсолютной властью в магическом сообществе лишь благодаря барьеру, окутывающему Японию. Этот барьер стимулировал рост проклятой энергии, плодя все больше одаренных магов, среди которых главными бенефициарами выступали три великие семьи. В обмен на гарантию своего господства они обязаны были поставлять Тенгену подходящих жертв, которых навечно заковывали в оковах древесного ствола.

Жизнь Звездной плазмы становилась разменной монетой, позволявшей избежать расплаты перед законами мироздания. Однако дерево, служившее его истинным телом, с годами росло, и кольцо оков, выстроенное на костях, начинало давать трещины. В такие моменты требовалась новая Звездная плазма, чтобы залатать брешь.

В теории это происходило раз в пятьсот лет, но лишь на публике. Шестиглазые из клана Годжо и Звездная плазма рождались одновременно как части единого замысла. Но о тех

божественных детях, что умирали вскоре после появления на свет, записи хранились лишь в самой тайной комнате поместья Годжо.

В голове Дадзая вспыхивали и переплетались в единую сеть обрывки информации.

— Чуя, слушай мою команду. Давай преподнесем этому трусу подарок.

Дадзай ловко прыгал с ветки на ветку, словно проворный черный кот, и вскоре уверенно встал под деревом. Из потайного кармана пальто он извлек несколько черных кубиков. Бросив их вверх, он дождался, пока пролетающий мимо Чуя подхватит их и, следуя указаниям Дадзая, закрепит в нужных точках.

Когда последний кубик был с силой вогнан в кору, над их ухом раздался пронзительный, леденящий душу вопль, который тут же оборвался.

Раз не хочешь говорить, то и не надо.

На следующее утро Годжо Сатору, вопреки обыкновению, пришел в класс раньше всех и, усевшись на свое место, с нетерпением поглядывал на дверь.

— Доброе утро, Сатору. Редкий случай увидеть тебя здесь так рано.

Гето Сугуру во многих отношениях был образцовым учеником, поэтому, войдя в класс по привычке, он был крайне удивлен, обнаружив там Сатору.

— Сугуру, ты что, не хочешь еще раз как следует подраться с учителем Накахарой?

— Но, Сатору, сегодня утром теория у учителя Дадзая...

— А-а...

Дадзай Осаму — это тот самый загадочный болезненный паренек? Сатору поморщился с явным пренебрежением. Знал бы — прогулял. Может, утащить Сугуру с собой? Пойти съесть тот десерт, о котором он так давно мечтал.

Не успел он поделиться своей гениальной идеей с Гето, как дверь снова открылась. В класс вошли Иэири Сёко и Дадзай. Сёко выглядела озадаченной и странно поглядывала то на Гето, то на Сатору. Те почувствовали, как по спине пробежал холодок.

— Тук-тук...

Дадзай взглянул на часы и постучал по доске.

Дадзай, которого Чуя с утра пораньше вытащил из постели под предлогом занятий, был явно не в духе. Его длинная прядь волос была заплетена Чуей в косичку и заколота за ухом, открывая изящный, бледный профиль юноши.

Погода стояла отличная, и солнечный свет, пробиваясь сквозь оконные переплеты, падал на лицо Дадзая, которое из-за утренней раздражительности казалось безмятежным. От этого зрелища трое присутствующих на мгновение лишились дара речи.

Годжо Сатору всегда называли божественным ребенком, но сейчас, глядя на Дадзая, стоящего у доски в ореоле золотых солнечных лучей, с лицом, лишенным всяких эмоций, — казалось, он смотрит на них сверху вниз, — Сатору подумал, что именно этот человек больше похож на божество, которому место в золотом алтаре.

Благодаря Шести глазам он видел даже пылинки, сверкающие вокруг Дадзая, словно сияние, исходящее от самого божества. Мысль о прогуле мгновенно улетучилась, и он невольно выпрямился на своем месте.

Что уж говорить о Гето и Сёко, чья психологическая защита была не столь крепка. В классе воцарилась такая атмосфера прилежания, что Яга Масамич мог бы прослезиться от умиления.

Дадзай с удовлетворением отметил, что все внимание студентов приковано к нему. Он развернулся и размашистым, острым почерком вывел на доске два слова: Закулисье.

— Сегодня мы проанализируем магический мир и тех, кто стоит за спинами высшего руководства.

Он бросил на парты несколько папок с материалами, предложив им ознакомиться и высказать свое мнение. Гето открыл свою папку — она оказалась заметно толще остальных. На обложке значилось: Статистика потерь среди магов не из великих кланов за последние двадцать лет.

Потери. Слово, которое лишало людей человеческого облика.

Руки Гето слегка дрожали. Он смутно догадывался, что держит в руках ключ к ящику Пандоры.

Пушечное мясо... наемники... подопытные... расходный материал... рабы... инструменты...

Эти слова сквозили в каждой строчке отчета. Весь документ был пропитан высокомерием. Он даже наткнулся на упоминание о том, как женщин-магов насильно делали наложницами из-за их редких техник.

Маг не из клана — не человек. Обычный человек — не человек.

Тысячелетние страдания магов-простолюдинов были сжаты в эти два десятка лет. Раньше он думал, что слова Сатору о том, что руководство состоит из прогнивших старых мандаринов — это преувеличение. Теперь он видел, что это была сущая правда.

Тошнота подкатила к горлу.

Как же противно...

Он вспомнил себя, своих младших товарищей, Сёко и Сатору, который ценой невероятных усилий вырвался из этого ада. Вкус проклятого духа начал подниматься из глубины души, словно липкая зловонная черная жижа, постепенно обволакивая сердце, не оставляя ни шанса, ни выхода.

Сатору не заметил, как побледнел Гето, потому что сам был близок к безумию. В его руках был подробный разбор миссии со Звездной плазмой, которую им поручили всего несколько дней назад.

Да, подробный.

Включая имя той самой девушки, которая должна была стать их целью. Только сейчас, из этого досье, он узнал, кто она такая. И она не была настоящей Звездной плазмой — лишь приманкой, выставленной напоказ.

Обреченной приманкой.

Но больше всего его бесило другое: у этой миссии с самого начала была лишь одна истинная цель.

Гето Сугуру.

Первый шаг к разрушению души и тела Гето Сугуру.

Разрушить Гето Сугуру — его единственного близкого друга, его вторую половину в этом прогнившем мире.

Да, в сердце Сатору Гето был его второй половиной, единственным, кто имел право стоять рядом и называться сильнейшим.

Как они посмели так посягать на него, так плести интриги! Не прощу!

<http://bllate.org/book/20875/2108200>